

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ, МИГРАЦИИ

Е.А. Агеева, Е.С. Кулькин

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

АГЕЕВА Екатерина Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических дисциплин Северо-Кавказского института — филиала РАНХиГС. E-mail: kay79@yandex.ru

КУЛЬКИН Евгений Сергеевич — научный сотрудник научно-исследовательского центра этнополитических исследований Северо-Кавказского института — филиала РАНХиГС. E-mail: In-house@mail.ru

Северо-Кавказский федеральный округ отличается сложным, разнообразным этническим составом, сконцентрированным на относительно небольшой территории, что обуславливает прямую зависимость состояния общественно-политической обстановки от ситуации в сфере межэтнических и межнациональных отношений.

В каждом из субъектов СКФО присутствуют свои особенности и специфика правоприменения и реализации национальной политики. Так, например, Республика Ингушетия и Чеченская Республика представлены как моноэтнические субъекты, в рамках реализации национальной политики важными являются: усиление внимания к обеспечению безопасности граждан, задача возвращения русских, их адаптация в новых условиях. В Республиках Ингушетия и Северная Осетия — Алания в реализации национальной политики присутствует необходимость ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта. В РСО-Алания также немаловажной проблемой, требующей особого внимания как региональных, так и федеральных органов власти являются взаимоотношения с Южной Осетией. В Карачаево-Черкесской Республике вследствие высокой политизации общественной сферы, отношения в социально-экономической, культурной и иных сферах общественной жизни часто приобретают этническую окраску. Межэтнические отношения в данных субъектах усложняются, в том числе и незавершенностью реформы местного самоуправления, нерешенностью земельного вопроса. В КЧР сформированы национальные районы — Ногайский, Абазинский, определены их муниципальные границы¹. Ставропольский край, названный «форпостом» Северо-Кавказского федерального округа, является столичным регионом округа и позиционируется как базовая площадка для его развития. В крае также присутствуют проблемы оттока русских из восточных регионов, междиаспорные, межклановые противоречия.

¹ Постановление Народного собрания КЧР № 149 от 09.07.2005 «Об образовании КЧР Абазинского и Ногайского районов».

В связи с вышеуказанным социологическое исследование жизненных стратегий населения субъектов СКФО, оценка жителями своего сегодняшнего социального статуса, удовлетворенности различными сторонами жизни, уровня доверия \ недоверия органам государственной власти и управления представляется весьма значимым.

В 2011 г. по заказу Института «Московская высшая школа социальных и экономических наук» в субъектах Северо-Кавказского федерального округа проводилось социологическое исследование особенностей жизненных стратегий населения Северного Кавказа, в первую очередь молодых граждан до 35 лет. В пяти субъектах: Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской республике, Республике Северная Осетия- Алания, Ставропольском крае, Чеченской Республике исследование проводилось рабочей группой из состава сотрудников Северо-Кавказского института – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Результаты исследования нашли отражение в отчете, подготовленном для заказчика, апробированы в ходе V Гайдаровских чтений, состоявшихся 12–13 апреля 2012 г. в Северо-Кавказском институте, в г. Пятигорске, представлены в аппарат полномочного представителя Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе.

В настоящей статье мы уделяем внимание методологии, используемой в исследовании и особенностям применения социологических методов в регионах с полиэтничным составом населения, а также в муниципальных образованиях, население которых пострадало в ходе ведения военных действия и в результате террористических актов.

В целях формирования информационной базы и последующего анализа результатов, учитывая сложный состав населения исследуемого макрорегиона, особенности социально-политической обстановки на Северном Кавказе, исследование осуществлялось с помощью совокупности методов:

- 1 метод анкетирования респондентов;
- 2 индивидуальные беседы и интервью, холл-тест;
- 3 «фокус-группа»;
- 4 метод включенного наблюдения.

Поскольку категории населения (респондентов) представляли разные социальные группы, целесообразно было применять различные методы. Также совокупность методов потребовалась для того, чтобы в большей степени сделать исследование информативным, насытить его в том числе анализом поведения респондентов в разных субъектах и в разных ситуациях – в группе и при индивидуальной беседе. Каждому из участников, а также в ходе «фокус-групп» помимо предлагаемых вопросов, обосновывалась значимость опроса для личности и российского общества в целом.

Метод включенного наблюдения позволил рассмотреть схожие и различные черты быта, повседневной жизни части населения территорий, в которых проводилось исследование. Следует отметить, что максимальный срок пребывания рабочей группы в населенном пункте – 4 дня, в связи с чем метод включенного наблюдения носит не достаточно репрезентативный характер. Тем не менее, это позволило нам дополнить результаты интервью, «фокус-групп» и опроса объективностью и достоверностью.

Число респондентов составило 450 человек. Выборка проведения исследования была двухступенчатой — сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по следующим шести признакам:

- 1 включала представителей не менее 10 этнических групп Северного Кавказа. При этом в субъектах с одним или двумя государствообразующими этносами данное количество менялось. Так, в Ставропольском крае были опрошены представители трех этничностей (русские, армяне, греки), в Карачаево-Черкесской Республике — пяти (карачаевцы, черкесы, русские, абазинцы, ногайцы), в Республике Северная Осетия — Алания — трех (осетины, русские, грузины), в Республике Ингушетия — одной (ингуши (один человек — русский и двое чеченцев), в Чеченской Республике — одной (чеченцы).
- 2 охватывала следующие категории населения: студенты, предприниматели, государственные/муниципальные служащие, члены политических партий и общественных организаций; охватывала представителей различных доходных групп — работники бюджетной сферы, индивидуальные предпринимателей, работники организаций различных форм собственности, студенты;
- 3 охватывала жителей городов и поселений;
- 4 обеспечивала гендерный баланс (мужчины — 198 человек (44%), женщины 252 человека (56%));
- 5 включала представителей конфессий — христиане (православные) (197), мусульмане (253). Больше количество мусульман обусловлено тем, что в трех из пяти регионов — КЧР, РИ и ЧР проживает в основном мусульманское население;
- 6 не менее $\frac{3}{4}$ выборки составляли люди до 33 лет.

Таким образом, объектом исследования и генеральной совокупностью явилась общность людей, неоднородная по своим характеристикам — население субъектов Северо-Кавказского федерального округа, в основном молодые люди в возрасте до 33 лет. В генеральной совокупности была определена выборочная совокупность — население пяти субъектов СКФО и далее выборка наиболее представленных категорий населения — студентов, молодых предпринимателей, государственных и муниципальных служащих, а также безработных.

В ходе проведения исследования участники рабочей группы столкнулись с рядом трудностей:

- нежелание пожилых людей участвовать в «фокус-группах», а во время интервью — либо игнорирование вопросов об отношении к государству, либо высказывание недоверия и к государству и к интервьюеру (особенно характерно для Карачаево-Черкесской республики);
- в Чеченской Республике и Республике Ингушетия жители в селах недостаточно хорошо знают русский язык и не могли полностью выразить собственное мнение;
- в селах Чеченской Республики, Карачаево-Черкесской республики, Республики Ингушетия практически отсутствует доступ к сети Интернет,

весьма слабые возможности доступа к культурным ценностям, как этническим, так и общероссийским.

По результатам исследования сформулированы следующие выводы:

- 1 формирование жизненных стратегий молодого населения субъектов СКФО и оценка собственных жизненных результатов взрослого и пожилого населения находятся в весьма своеобразной зависимости: чем сложнее и противоречивее социально-политическая ситуация, тем больше потребностей решить проблему и приобрести (или сохранить) значимый социальный статус. С другой стороны, прослеживается вообще нежелание строить стратегические планы и ставить долгосрочные задачи. Значимым маркером существования реальной социальной проблемы, и более того кризисных явлений, является «обида» граждан на государство, недоверие власти. В то же время, эти же позиции способствуют повышению уровня самостоятельности населения и формированию гражданского сознания не благодаря государственным политикам, а вопреки им;
- 2 большинство респондентов адекватно оценивают свои возможности и ресурсы государства (в первую очередь, условия, им созданные или не созданные) для постановки и реализации жизненных планов. При этом более всего население надеется на собственные силы и\или помощь родных и близких, нежели на активную поддержку органов власти, управления и тем более органов местного самоуправления;
- 3 несмотря на высокую значимость этничности и религии в современной жизни и формировании будущих стратегий в целом можно судить, что в обществе присутствуют условия для консенсуса по поводу желания интеграции в общероссийскую общность и культуру.

Р.Э. Бараш

ПРОБЛЕМА МЕТОДА ИЗМЕРЕНИЙ В ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И НА УКРАИНЕ)¹

БАРАШ Р.Э. — кандидат политологических наук, научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. E-mail: raisabarash@gmail.com

Тематика межнациональных отношений, толерантности и миграции сегодня актуальна на всем постсоветском пространстве. В России тематика этнического «Другого» всегда была значима, но после ряда громких событий с участием националистических сил (Кондопога, Сагра, «Манежка»), а также «легализации» национализма в «поле политического» через признание в Координационном совете националистической курии, «измерение» отношения к внутренним и внешним мигрантам, вопросов идентичности — прочно вошло в поле зрения всех социологических служб.

Впрочем, еще «новые» постсоветские национализмы в бывших союзных и российских национальных республиках стали причиной всестороннего интереса к «национальному вопросу» как со стороны исследователей, так и рядовых граждан. Для многих россиян именно этническое самоопределение оказалось наиболее востребованным при оценке своего положения в настоящем и прошлом. Так, по данным, к примеру, Института социологии РАН, полученных в рамках исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», в 2011 г. 62% респондентов присоединилось к мнению: «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских эта точка зрения более распространена, чем среди других национальностей — 64% против 44% соответственно [1]. Одновременно, по данным того же исследования, к 2011 г. с 2001 г. выросла вдвое (с 14 до 31%) доля тех, кто согласен с точкой зрения, что «Россия многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав».

С 1994 г. на 8% выросла доля тех, для кого фактор национальной принадлежности является важным при вступлении в брак. Таким образом, национальность оказалась важна при вступлении в брак практически для каждого второго опрошенного (для 47%) (ст. табл. 1).

Таблица 1 Влияние национальности в разных ситуациях

Влияние национальности в разных ситуациях	1994	2001	2011
Влияет при выборе круга друзей	22	24	29
Влияет при выборе места жительства	43	36	40
Влияет при вступлении в брак	39	35	47

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 12-33-01095 «Современная русская идентичность - особенности мифологии и атрибутивования».

Идея о предоставлении русским особых прав сопряжена с актуализацией в массовом сознании этнических антипатий. По данным опроса ВЦИОМ в 2010 г. [2] (при том, что у большинства опрошенных россиян (65%) нет четких этнических антипатий), 29% заявляют о негативных эмоциях в отношении представителей кавказских народов (не разделяя при этом для себя выходцев из Закавказья и северокавказских республик, т.е. российских граждан, еще 6% говорят о нелюбви к выходцам из Средней Азии (тоже без различия национальности), у 3% неприязнь вызывают китайцы и евреи.

Этническое неприятие носит иррациональный характер. По данным ВЦИОМ, в 2010 г. каждый второй респондент, заявлявший об этнических антипатиях, не мог назвать конкретных причин неприятия представителей других народов и наций. Остальные ссылались на опасения, связанные с угрозой террористических актов (13%) и нежелание приезжих считаться с нормами и обычаями, принятыми в России (11%). По 6% опрошенных раздражала внешность, манера поведения мигрантов, низкий уровень культуры и контроль определенных сфер бизнеса, 4% были убеждены, что приезжие отнимали рабочие места у местного населения (4%) [2].

При том, что массовое сознание спешит приписать негативные свойства представителям конкретных национальностей, этническая самоидентификация — этническая идентичность отнюдь не самый популярный вектор самоидентификации. Наиболее близкими, как правило, оказываются семья (65%) и друзья (63%), товарищи по работе, учебе (40%), ровесники (35%), единомышленники (21%). С представителями своей национальности в 2012 г. себя ассоциировали лишь 9% опрошенных [3] (рис. 1).

Рис. 12.1. Ответы на вопрос «С кем Вы часто ощущаете чувство общности?», % (допускалось несколько ответов, отранжировано по доле выбравших соответствующую позицию)

Рисунок 1 — С представителями какой группы Вы себя ассоциируете?

Схожие тенденции сегодня фиксируются опросами на Украине — там этническая идентичность также «проигрывает» (популярна только у 5% опрошенных) прочим векторам самоопределения. Массовое сознание на Украине скорее самоидентифицирует себя с

гражданами — называя себя украинцами (49%), каждый четвертый — идентифицирует себя со своим населенным пунктом (27%), каждый десятый считает себя советским человеком, гражданином бывшего СССР (9%), а каждый двадцатый житель страны прежде всего считает себя жителем своего региона, области (5%). или представителем своей национальности (5%) [4] (рис. 2).

Рисунок 2 – Самоидентификация жителей Украины (кем респонденты считают/ощущают себя в первую очередь)

В тоже время украинскому массовому сознанию — так же как и российскому — не чужды идеи этнической стигматизации. По данным Киевского международного института социологии [5], полученным на основании метода измерения социальной дистанции Богардуса, наибольший негатив у граждан Украины вызывают цыгане и негры, т.е этнонациональные группы, «отличность» которых фиксируется чисто визуально. При этом для граждан Украины очень важной дистинкцией оказывается русско/украиноязычность сограждан (отношение к русскоязычным хуже). С другой стороны, в массовом сознании украинцев русскоязычные украинцы и русские не сливаются воедино — несмотря на визуальное сходство (вспомним, что негры вызывают у украинцев негативные чувства вне зависимости от страны проживания или рождения) (рис. 3).

И хотя большинство жителей Украины говорят о невозможности межнациональных конфликтов (60%), практически каждый третий полагает конфликты возможными (28%). Затруднились оценить вероятность межнациональных конфликтов лишь 12% опрошенных (рис .4).

Таким образом, социологические опросы фиксируют довольно противоречивую картину — **российские и украинские респонденты фиксируют не вполне благополучные межнациональные отношения в своей стране, они не чужды ксенофобским настроениям. Одновременно сами они не спешат идентифицировать себя с представителями какой-либо национальности.**

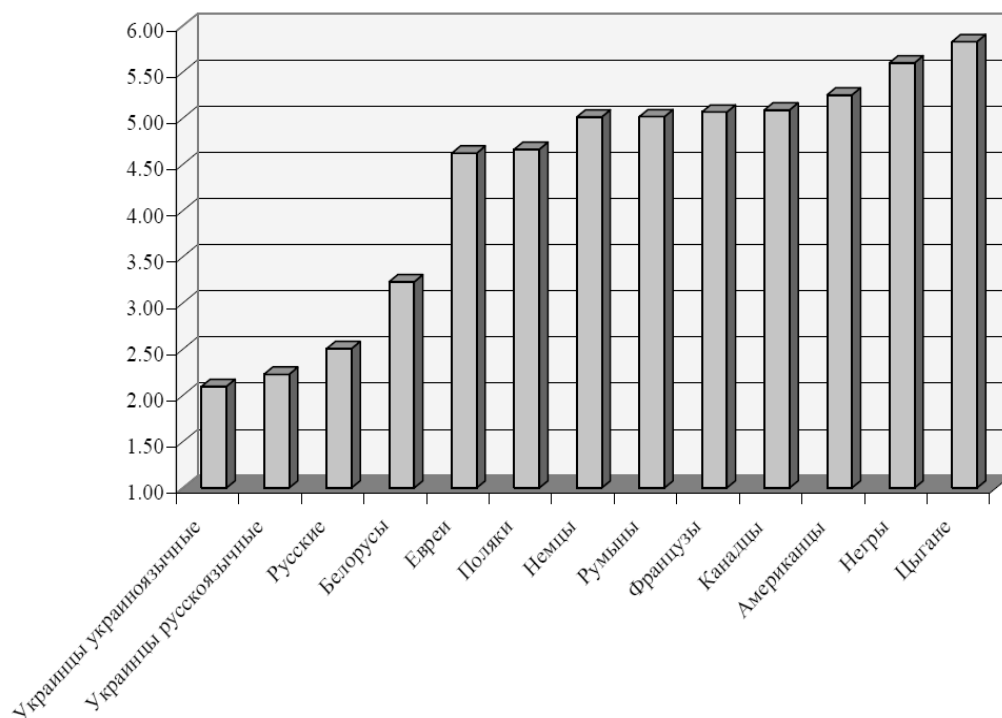

Рисунок 3 — Индекс ксенофобии граждан Украины

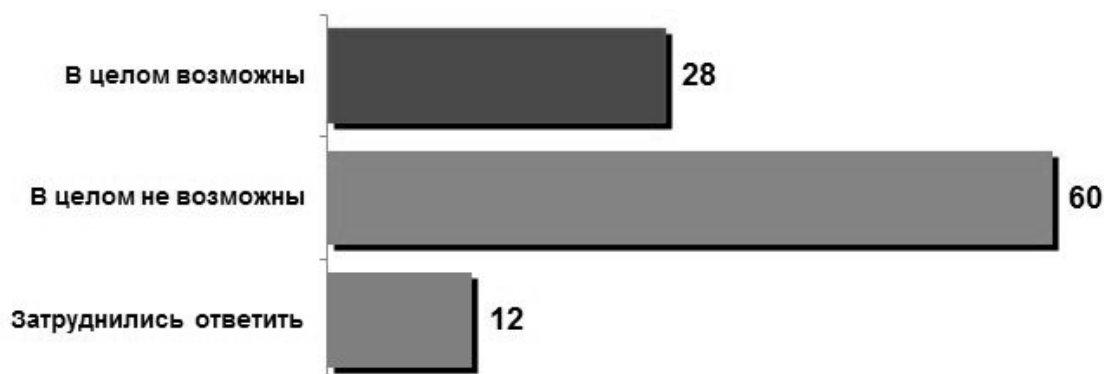

Рисунок 4 — Возможны ли в Украине серьезные конфликты на национальной почве

Такое противоречие заставляет внимательнее посмотреть на методологию изучения этничности. Сегодня в «этнических опросах» складывается парадоксальная ситуация — с одной стороны, идентичность респондентов описывается в категориях конструктивизма. Иначе говоря, для того чтобы причислить респондента условно к русским, достаточно его самоопределения — от него требуется указать лишь национальность. Тогда как суждения респондентов о межнациональных отношениях в стране, собственном отношении к «национальному вопросу» очень часто находятся в парадигме примордиализма — то есть приписывания представителям некоторых этнонациональных групп некоторых объективных характеристик.

Тем не менее любая идентичность «социально детерминирована» [6], ее сторонники сознательно культивируют и осознанно заявляют о наличии у себя

некоторые качества. Э. Балибар, например, трактует народ «как вымышленное этническое единство» [7]. Более того, если обратиться к классической интерпретации категории «народ» или «этнос», то необходимым будет учитывать — помимо сознательного культивирования самосознания — для признания респондентами представителями некоторых этнических групп знания ими языка, традиций, культуры своей этнической группы, а также — в некоторых случаях — их сопричастности традиционной для их группы религиозной традиции. И даже — возможно — особое отношение к территории исторической Родины [8].

Измерение этнической идентичности невозможно только посредством учета субъективных (вопрос о национальной принадлежности) или объективных факторов (помимо самоопределения, необходимо фиксирование участия в групповых формах идентичности, соблюдение традиций, использование языка). В определенной степени, конечно, задачам измерения этничности могла бы способствовать этнометодология, ориентированная на изучение обыденных практик и повседневного опыта, дюркгеймовский «социальных фактов». Однако сегодня этнические группы более не «закрытые системы» со специфическими культурными практиками. Достаточно сложно определить, где проходит граница, что отделяет практики, свойственные этнической группе, от региональных или узкосемейных. А после Реформации очевидно, что обыденные практики конфессиональных групп достаточно четко разделяют одну этническую группу (деление немцев на католиков и адептов различных течений протестантизма). Наконец, необходимо учесть идею Б. Андерсона о «воображаемых сообществах» [9] как о постоянно идущем процессе формирования традиций, изобретения или актуализации атрибутов идентичности, появлении новых групп (вспомним, что всероссийская перепись населения зафиксировала, что в России проживают хоббиты, эльфы, сибиряки, а также лица без национальности).

С другой стороны, происходит постепенная взаимоассимиляция этнических групп, долгое время живущих рядом. Они начинают перенимать черты друг друга — и зафиксировать различие в их традициях и обыденных практиках достаточно сложно. Яркий пример здесь — различие украинцами украино- и русскоязычных украинцев.

И это заставляет более внимательно подходить к вопросу о том, что необходимо учитывать в качестве атрибутов этнической группы (скажем, необходимо ли учитывать владение респондентом родным языком, использование его для общения в семье, соблюдение традиций и почитание праздников, общение с диаспорой).

Литература:

- 1 Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). URL:http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_reforms/Glava_12.pdf.
- 2 Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ : [веб-сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>.
- 3 О чем мечтают россияне (размышления социологов) http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html
- 4 Research & Branding Group. <http://rb.com.ua/rus/politic/consalting/>

- 5 Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине // Киевский международный институт социологии // http://kiis.com.ua/materials/articles/xenophobia_antisemitism.pdf
- 6 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: : Медиум, 1995. — С. 281.
- 7 Балибар Э., Валмерстайн Э. Раса, нация, класс. М.: Логос-Альтера. Ессе Номо. 2003.
- 8 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. — С. 33–35; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: 1987. — С. 74–76
- 9 ISPO (1998), *1995 General Election Study Belgium. Codebook and Questionnaire*. Leuven/Louvain La Neuve: ISPO/PIOP.
- 10 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма /Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.

Т.С. Болховитина, Е.В. Карпенко
СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ К МИГРАНТАМ)

БОЛХОВИТИНА Татьяна Сергеевна — кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал). E-mail: ekakarpenko@yandex.ru

КАРПЕНКО Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Брянский филиал). E-mail: ekakarpenko@yandex.ru

Тема межнациональных отношений затрагивает практически каждого, кто живет в России. По данным переписи населения в России проживает 193 нации и народности (277 языков и диалектов) и все народы связывает общая история, многовековые традиции. На протяжении многих десятилетий вопросы национальной политики рассматривались в контексте культурных мероприятий, либо в ситуации конфликта. Национальный опрос использовался (и используется) радикально настроенными силами для манипулирования, что, безусловно, ведет к росту национальной нетерпимости.

Среди мер, предусмотренных Указом Президента РФ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», заявлены разработка комплекса мер, направленных на совершенствование работы органов государственной власти Российской Федерации по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений.

На территории Брянской области проживает 103 национальности из них 11 диаспор, с разной степенью активности позиционирующих себя по национальному признаку.

По данным анализа миграционной ситуации, проведенной УФМС по Брянской области, было установлено, что интенсивность миграционных потоков иностранных граждан и лиц без гражданства, через пункты пропуска, расположенные на территории Брянской области увеличивается по отношению к аналогичным периодам прошлых лет. Кроме того миграционной службой в Брянской области на 40,8% больше оформлено разрешений на работу трудовым мигрантам.

В связи с вышеизложенным вполне понятен интерес органов власти к проблеме взаимоотношений в межнациональной среде. Соответственно наибольший интерес вызывает отношение молодежи, и в частности, студенческой, к мигрантам, прибывающим в регион.

Опрос проводился среди студентов вузов Брянской области (пол, курс (возраст), характер специализации (гуманитарная, техническая, естественнонаучная, очная форма обучения,) по методике УФМС.

Анализ результатов показал следующее. По сравнению с 2011 годом с 11% до 4% уменьшилось число студентов, уверенных, что столкновения на национальной почве в Брянске невозможны.

Повышает уровень напряженности и рост критического отношения к действиям власти. В 2011 г. считали, что местные власти ничего не делают 35% студентов, а в 2012 г. уже 72%.

Большинство опрошенных (53%) никогда не сталкивались с проявлениями враждебности и неприязни по отношению к себе со стороны представителей других национальностей. Однако 47% респондентов все же сталкиваются с проявлениями этнофобии: 35,5% — редко, 8,1% — довольно часто и 3,4% — постоянно. Чаще всего сталкиваются с таким проявлением этнофобии, как враждебность со стороны представителей других национальностей, респонденты-девушки.

Опрос продемонстрировал силу стереотипа о том, что иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей: так считает 64,5% опрошенных. Тем не менее статистика УФМС показывает, что профессиональный состав трудовых мигрантов, прибывших в область, в целом соответствует структуре потребности в рабочей силе предприятий и организаций и их заявок. В основном, иностранные работники используются в качестве работников среднего уровня квалификации — более 60%, неквалифицированные работники составили около 35%, иностранные квалифицированные специалисты мало востребованы и составили всего 1,6%. Наиболее востребованными работодателями, вследствие отсутствия национальных кадров в регионе, являются иностранные работники, имеющие в основном, рабочие, низкооплачиваемые специальности для работы в строительстве — 47,6%, обрабатывающих производствах — 22,3%, сельском и лесном хозяйствах — 16,7%.

Студенты указали и на то, что иммигранты повышают уровень преступности и коррупции (64,5%), тем самым идентифицировали преступников по этническому признаку. В то же время по информации УМВД России по Брянской области отмечается снижение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Доля преступлений, совершенных иностранцами в 2011 г., осталась на прежнем уровне и составила 2,6% от общего числа раскрытых преступлений в Брянской области. Очевидно, что преступность среди иностранных мигрантов существенного влияния на криминогенную обстановку в целом на территории области не оказала.

Опрос показал отчетливое формирование стереотипного восприятия мигрантов с точки зрения вынужденного, но при этом опасного соседства. Тем не менее, отвечая на вопрос, о том, должны ли трудовые мигранты работать в непрестижных и малооплачиваемых сферах хозяйства, 43,2% студентов ответили отрицательно, при этом 27% затруднились ответить и треть опрошенных (29,7%) согласны с этим утверждением. Большое количество затруднившихся свидетельствует о том, что у части студентов отсутствует четкая позиция по отношению к мигрантам, в то же время она не является очевидно толерантной. Эту мысль подтверждает и то, что пятая часть (18,4%) студентов, заявивших, что положительно относятся к иностранцам, прибывшим в Россию работать, указали, что не испытывают сочувствия к тем из них, кто прибыл в нашу страну в связи с тяжелыми условиями жизни на Родине.

Нелинейные методы анализа результатов опроса указывают на высокий уровень скрытой нетерпимости, на внутреннее напряжение от реального отношения к мигрантам, которое респонденты пытаются скрыть за «правильными» ответами. Уровень тревожности молодежи в ситуации межнациональных отношений довольно высок и, по мере накопления жизненного опыта и при условии ухудшения качества жизни вполне вероятно, даже

позитивный настрой на иностранцев, прибывших в Россию, может измениться на противоположный.

Более того, анализ региональной прессы за 2008-2012 гг. показал, что на страницах региональных СМИ практически отсутствуют материалы о дружбе народов (за исключением славянских народов), не встретишь на страницах региональных СМИ интервью, очерков о национальной интеллигенции, лучших представителей национальных диаспор. Видимо, это связано с тем, что медийная политика по отношению к мигрантам в регионе развивается стихийно, на основе самоорганизации и при отсутствии управляемости со стороны органов власти.

На этом фоне можно предполагать, что негативные настроения могут быть обусловлены и усиливающимися в последнее время опасениями серьезных сдвигов в этнодемографической структуре населения области. На фоне депопуляции коренного населения области усиливающиеся волны миграции из республик Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии могут способствовать укрупнению диаспор этих народов на территории области. В свою очередь, это может привести к заметным изменениям в национальном составе области, возникновению новых серьезных проблем в социальной сфере, криминализации национальных диаспор, таким образом создается опасность усиления маргинализации малых городов. Высказываются опасения, что местные жители будут вытеснены из освоенных ими экономических ниш. Вся эта информация является доступной для студентов, она обсуждается на интернет-форумах, формируя соответствующее отношение к рассматриваемой проблеме.

Т.Н. Войлокова

ИДЕИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА И ПОВЕДЕНИЕ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ВОЙЛОКОВА Т.Н. — аспирантка кафедры экономической социологии НГУ-ВШЭ, руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ. E-mail: voylukova@wciom.com

Одним из самых важных и интересных социологических направлений 20 века и основным подходом ранней чикагской социологии является символический интеракционизм. С этим направлением связаны имена целого ряда крупных мыслителей, в том числе таких, как Джордж Герберт Мид, Чарльз Хортон Кули, Уильям Томас, Герберт Блумер и Ирвинг Гофман [4, с. 238].

Символический интеракционизм многогранен, подробное описание его положений займет не одну книгу. Основная суть теории в том, что человек действует по отношению к предметам исходя из их значений, символов, и значения эти придаются предметам человеком исходя из интеракции, взаимодействия с другими людьми (обществом). Ключевые понятия теории — «действие», «социальное действие», «социальное взаимодействие», «жесты» и символы», «самость», «зеркальное Я», «ролевое поведение» и др.

Основоположниками направления по праву считаются Чарльз Хортон Кули (1864-1929) и Джордж Герберт Мид (1863-1931). К заслугам Кули относится вклад в развитие одного из ключевых концептов интеракционизма — "самости". Задачей социологии Кули считал изучение взаимодействия индивида и общества. В работе «Человеческая природа и социальный порядок» (1902) им введено понятие «зеркального Я» (the looking glass self), под которым понималось отражение нашей самости, каковое мы наблюдаем в действиях других людей по отношению к нам [3, с. 2]. Мид развил введенное Кули понятие самости и отметил его эвристическое значение для социального анализа, а также ввел такие понятия, как «обмен жестами» и «использование значимых символов».

Исходя из положений Мида, феномен символа универсален, осознанно или нет, мы встречаемся с символами повсюду в повседневной жизни. Мид отмечает: «Мы обращаемся к смыслу вещи, когда используем символ. Символы выражают значения тех вещей или объектов, которые имеют значения; они есть части опыта, которые подчеркивают, указывают, или представляют другие части опыта, не данные непосредственно в это время и в этой ситуации, которые, благодаря символам, таким образом, представлены и переживаемы... Наборы символов возникают в нашем социальном поведении, в обмене жестами, в контексте языка» [3, с. 3].

Дж. Мид также ввел представление о ролевом поведении, на основании которого поведение человека строится строится не из реакций и стимулов, а из «ролей», принимаемых на себя индивидом и «проигрываемых» им в процессе общения с другими людьми. «Я» у Дж. Мида целиком социально. Богатство и своеобразие человеческого «Я» зависит от разнообразия и широты его взаимодействий с окружающим миром.

Словосочетание «символический интеракционизм» ввел в 1937 г. социолог чикагской школы Герберт Блумер, с именем которого связывают концептуализацию направления. Блумер сформулировал три постулата данного направления [3, с.2].

Первый постулат: что человек действует по отношению к предметам на основании *придаваемых им значений* (символов). В круг этих предметов включается все, что окружает человека: физические объекты, другие люди, которых действующий индивид делит на различные категории (друзья, враги и т.д.), действия других людей, социальные институты, идеи и т.д.

Второй постулат: значение этих предметов проявляется не иначе, как в ходе *взаимодействия* между людьми.

Третий постулат: значения регулируются и модифицируются *в процессе интерпретации, осуществляемой личностью* при таком взаимодействии.

Блумер утверждает, что «жизнь любого человеческого общества состоит из постоянного процесса подстраивания (*fitting*) друг к другу действий его членов. Именно этот комплекс текущей активности создает структуры или организации и определяет их черты [3, с. 4]. Согласно его позиции, социальное взаимодействие надо рассматривать как тот процесс, который *формирует* человеческое поведение, а не просто как средство выражения поведения. То есть, социальная реальность есть продукт человеческого взаимодействия и его осознания действующими субъектами. Люди не повинуются слепо социальным и психологическим силам. Они — активные творцы мира, на воздействия которого реагируют. При взаимодействии они должны учитывать, *что* каждый из них делает, или собирается сделать, чтобы контролировать свое поведение и управлять ситуацией.

Положения символического интеракционизма наглядно прослеживаются в поведении эмигрантов, в частности, в их действиях по адаптации в новом трудовом коллективе. Примеры показывают результаты эмпирического исследования — серии глубинных интервью, проведенных автором с русскими эмигрантами в Германии весной 2012г.

По словам эмигрантов, одним из самых серьезных барьеров адаптации является незнание культурных ценностей и особенностей — литературы, речевых оборотов, шуток, актеров и известных личностей, кинофильмов и пр. деталей, познать которые можно только живя в немецком обществе достаточно долго, если не сказать, что с рождения. Отсутствие т.н. «социальной компетенции», багажа знаний, который накапливается с течением жизни представителя любой культуры, о наличии и важности которого мы даже не задумываемся, живя в своей стране [1, с. 56].

«...Никогда не интегрируешься совершенно в коллектив, потому что нет вот этого бэкграунда немецкого. На чем они растут. Это для меня все чужое и я не знаю там ни актеров, ни каких-то детских сказок, на чем основывается, базируется вот личность» (Ж., 40 лет).

«Тяжело было в обеденный перерыв на работе....Потому что в обеденный перерыв на работе коллеги разговаривают не о работе, а обо всех темах. И вот это уже социальная компетенция» (М., 47 лет).

И если такую сложность, например, как незнание языка, можно преодолеть достаточно быстро, то на познание культуры и ценностей другого народа требуется длительный срок. По словам участников исследования, в полной мере познать новую культуру практически невозможно — для этого нужно жить в стране с рождения или раннего детства. Участники исследования поделились опытом успешного общения с немецкими коллегами и адаптации к новой среде. Не имея возможности длительного изучения культуры, привычек, стандартов поведения коллег, как правило, они:

- либо прислушиваются к ним и стараются поддерживать те формы поведения, которые сложились в коллективе:

«...при общении так я приглядывалась сначала, как они себя ведут, как они на что реагируют, что они делают, как они что делают. Ну, так трудности, наверное, казаться какой-то совсем странной в их понимании...Ну, я думала, мало ли, может они на такую ситуацию реагируют так, а я отреагирую по-другому, а они скажут «вот ненормальная». Какая она странная» (Ж., 40 лет).

Вот здесь мы и видим действие положений интеракционистов. В ходе взаимодействия в коллективе, специалисты-мигранты как представители другой культурной среды, с одной стороны приглядываются к поведению коллег, интерпретируют их действия. С другой стороны, они стараются посмотреть на самих себя, на свое «Я», глазами своих коллег, и, «примерив» на себя роль типичного немецкого специалиста-коллеги, должным образом проиграть эту роль.

- либо стремятся вызвать заинтересованность в темах для общения, которые близки им самим:

«Когда я понял, что я не владею их темами, я придумал способ, как с этим можно бороться. ...Им же все равно на какие темы разговаривать. И когда ты первый начинаешь ту тему, которую ты знаешь, то они поддерживают эту тему, а ты ее знаешь» (М., 47 лет).

В этом случае мигранты не занимают конформистскую позицию, а становятся, по Блумеру, «творцами» ситуации, привнося во взаимодействие свои идеи, свои смыслы.

Поведение мигрантов показывает множество других примеров, которые можно объяснить посредством положений символического интеракционизма.

Важнейшим условием для успешной интеграции и в коллектив, и в общество в целом, по утверждению участников исследования, является постоянное изучение культуры, истории, традиций, стереотипов поведения в принимающей стране. Процесс этот небыстрый и занимает, как правило, несколько лет. К изучению этих моментов эмигранты подходят по-разному — одни «учатся» пассивно, только исходя из тех или иных жизненных ситуаций. Другие предпринимают активные усилия по познанию жизни в немецком сообществе, и сами способствуют успеху своей интеграции.

Литература:

- 1 Войлокова Т.Н. Адаптация русскоязычных высококвалифицированных мигрантов к трудовой деятельности в Германии // Социс, №1, 2013
- 2 Кармадонов О.А. Откровения и парадоксы символического интеракционизма // Социс, №1, 2006
- 3 Кравченко Е.И. Джордж Герберт Мид — философ, психолог, социолог. М., 2006
- 4 Ритцер Дж., Современные социологические теории, изд.5, СПб.: Питер, 2002

В.Ю. Леденева

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В РОССИИ

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления РАНХиГС. E-mail: ledyвика@rambler.ru

Один из главных вопросов современной России — вопрос об обеспечения межэтнического согласия и о том, какие решения принимаются властными структурами в сфере межэтнических отношений. Для этого, необходимо уделять внимание вопросам, связанным с историческим прошлым и весьма противоречивыми в науке оценками колониализма в досоветский период. Ведь помимо завоеваний существовал и «народный колониализм».

В частности, интересна оценка событий советского периода. На него возложили ответственность за асимметрию в федеративном государственном устройстве. Остается открытым вопрос о том, насколько федерализм был исторически обусловлен, насколько он стал необходимым и единственно возможным в советское время. Договорная федерация, связанная с 1990-ми гг., в одних случаях оценивается исключительно негативное явление, в других — как единственная верная в то время возможность потушить насильственные конфликты на территории страны.

Существует два кардинально разных понимания нации. Первое — это социально-политическое гражданское единство. При этом все граждане данного государства входят в нацию по политическим основаниям, так как имеют равные права. Это неотделимо от демократии. В этом случае культурно-исторические критерии уходят на второй план. Однако рано или поздно культурно-историческое единство возникает, потому что в условиях модернизации нужны единые символы, единые коды, единый язык и со временем на определенном уровне происходит гомогенизация. Но из этого вовсе не следует, что единственно верным является путь, когда создается единая нация, в том числе и в культурном, языковом смысле. Современное развитие демократии допускает самые разные варианты формирования нации, но в ее основе лежит именно равноправие, единые социально-политические права. Однако где нет единых прав, где законодательство плохо работает и где, тем не менее, должна быть нация, возникает вопрос об историко-культурном единстве. Но если мы понимаем нацию, прежде всего, в культурно-историческом плане, то тогда и встает серьезный вопрос соотношения нации с этническими группами. Проблема обострилась в постсоветское время, когда местные элиты попытались наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик.

Целое десятилетие (1990-е гг.) прошло под знаком мобилизации населения так называемых «титовых национальностей» в республиках России, поднимаемых местными элитами на борьбу за республиканский суверенитет. В ряде случаев такая мобилизация приводила к открытым вооруженным столкновениям больших групп населения с федеральной властью, как это было в Чеченской Республике. В первом десятилетии 2000-х гг. ситуация изменилась, ее фокусом стали другие проблемы. К процессам, в результате протекания которых вызовы и угрозы для этнокультурной безопасности приобретают наибольшую актуальность, можно отнести следующие.

Демографические процессы. Сравнительное соотношение рождаемости и смертности основных этнических групп страны или региона, ведущее к относительно быстрому изменению баланса в рамках устоявшейся этнической структуры, может формировать систему вызовов и угроз в сфере этнокультурной безопасности. Применительно к современности следует говорить о народах, подошедших к стадии демографической революции (резкое повышение рождаемости и "выживаемости" детей за счет роста качества жизни), и о народах, находящихся в ситуации демографического перехода (невысокая рождаемость, сопряженная с качественным скачком в воспитании и образовании нового поколения, с ростом средней продолжительности жизни). Неравномерные процессы демографического воспроизводства, как правило, ведут к быстрой смене композиции этнических групп на определенной территории. В результате может нарушаться устоявшийся статусный баланс, возникать элементы этакратизма, могут сужаться или деформироваться воспроизводственные возможности этнических культур. Недовольство подобной ситуацией нередко ведет к латентным, а то и открытым формам межэтнического конфликта. Установление политического паритета между доминирующими этническими группами еще не гарантирует восстановления баланса в их взаимоотношениях.

Миграционные процессы. Они способны привнести в социальную жизнь тот же набор опасностей и угроз, что и этно- демографическая динамика. Однако они формируются в предельно сжатое время, что значительно понижает адаптивный социально-психологический потенциал взаимодействующих этнических групп. Кроме того, формируются новые угрозы, связанные с усилением нагрузки на рынки труда, а также с появлением "нетрадиционных" для страны этнических групп. Последнее повышает степень отчужденности между людьми на этнокультурной почве (чаще всего это — результат внешних миграций). В реальных российских условиях интенсивные миграционные перемещения провоцируют властные структуры на нарушение человеческих и гражданских прав. Очевидно, что миграционные подвижки характерны сейчас для ряда регионов Российской Федерации. Например, можно указать на быстрое расселение даргинцев (и шире — дагестанцев) в Ставропольском крае, что уже сейчас значительно усиливает этноконфликтный потенциал данной территории. Этот пример демонстрирует также тесную связь между темпами демографического воспроизводства этнической группы и ее миграционным потенциалом. Нарастают темпы миграционного обмена со странами "дальнего зарубежья". Представители всех категорий этой мигрантской группы практически не включены в российскую культуру и систему отношений, да и не стремятся к этому. Культурная дистанция в этом случае между страной выхода и страной прибытия чрезвычайно велика. Миграционные процессы в их историческом развитии, по крайней мере, в пределах нашей страны, определяют тенденции в языково-культурной динамике, а также развитие существующих в стране этнических анклавов. По существу, ныне конфликтность характерна в первую очередь не для тех народов России (и бывшего СССР), которые, оказавшись в инокультурном окружении, утратили основы своей культуры и хотят их восстановить. Конфликтность связана с народами, которые в массе своей не прошли до конца процесса модернизации.

Социально-экономические процессы также могут порождать разнообразные угрозы в этнокультурной сфере. Так, в результате промышленного освоения территории может нарушаться ее экологический баланс, что особенно негативно сказывается на культуре "аборигенных" этнических групп (типа малых народов Севера). Ускоренная промышленная

модернизация, способствуя отмиранию старых и возникновению новых отраслей хозяйства, зачастую ведет к маргинализации части населения, вырванного из традиционного культурного контекста и не сумевшего приспособиться к новому образу жизни. В этих условиях может возникать так называемое "культурное разделение труда" (занятость представителей различных народов в разных профессиях или производственных отраслях). Подобная система, возводя новые социальные межэтнические границы, провоцирует развитие этнической замкнутости, отчужденности, формирование фобий и негативных этнических стереотипов. Зачастую ускоренное экономическое развитие искусственно стимулирует массовые миграции, о возможном негативном потенциале которых говорилось выше. Итак, социально-экономическое развитие территории вполне сопрягается с угрозами в этнокультурной сфере.

Политические процессы. Их можно отнести к наиболее непредсказуемым и неожиданным в той совокупности процессов, которая формирует систему угроз в сфере этнокультурной безопасности. Примеры успешной идеологической переориентации властных структур в этой области весьма немногочисленны. Так, за почти 30 лет — с 1930-х до 1950-х гг. — политологическая мысль США сумела переориентироваться с интеграционистской идеи "плавильного котла" на концепцию "этнического салата", предполагающую сохранение этнокультурной самобытности. Это было вызвано, как представляется, обнаружением феномена "третьего поколения", то есть возвращения собственной этничности внуками переселенцев. В результате была сформулирована концепция многокультурности, лежащая в основе национальной политики США и ряда других стран. Столь высокая концептуальная мобильность встречается нечасто, особенно в условиях политической стабильности. Устойчивый политический режим (пусть даже авторитарный) позволяет осуществляться процессам этнокультурного самовоспроизводства в силу того, что не может их контролировать в полном объеме. Смена политической власти — всегда испытание для этнокультурной безопасности, особенно если речь идет о группах меньшинств. Так, имперская модель Наполеона Бонапарта в конечном счете привела к этнокультурной унификации французов (т. е. к утрате жителями Южной Франции и Нормандии своей идентичности). Октябрьская революция 1917 г. в России способствовала распаду Империи по этническим границам. Политика "перестройки" Михаила Горбачева открыла путь для распространения этнического активизма и развития межэтнической конфликтности в первую очередь в Средней Азии и на Кавказе.

Культурно-языковые процессы. Они не только отражают влияние вызовов и угроз в области этнокультурной безопасности, но и могут восприниматься в качестве факторов, формирующих эти угрозы. Довольно трудно различить результаты естественного этнокультурного развития, связанные с введением инноваций в культуру социума, и начальный этап этнокультурной ассимиляции. На наш взгляд, даже переход этнической группы на другой язык, особенно если он происходит в течение длительного времени, не обязательно ведет к этнокультурной ассимиляции. Так, преимущественно англоязычные шотландцы сохранились как отдельный народ, претендующий к тому же на автономию в рамках Великобритании.

Представляется, что вывод о развивающемся процессе этнокультурной деградации должен базироваться на более широкой системе социокультурных критериев: сохранении родного языка, доле в социуме маргинальных групп, распространении "социальных болезней" (алкоголизм, наркомания, преступность), продолжительности жизни, среднем уровне образования, устойчивости семейных отношений и т.д. По всем этим показателям,

в критическом состоянии сейчас находятся российские народы Севера (или, как их иногда обозначают в литературе, "кризисные этносы").

Основные направления государственной политики заключается в анализе и прогнозе идущих в стране процессов, выявлении системы угроз, поддержании в "рабочем состоянии" структурных элементов этнокультурной безопасности, а также в деятельности по повышению адаптационных возможностей этнических групп и их культур.

Государственная политика в этнической сфере как особый социальный институт имеет дело преимущественно с двумя явлениями: процессами, развивающимися в различных социальных сферах, и структурными элементами общества, обеспечивающими инкорпорацию в него различных этнических групп. Ее задача — оптимизировать работу наличных общественных структур или создавать новые структурные элементы с тем, чтобы нейтрализовать угрозы для этно-культурной безопасности со стороны развивающихся социальных процессов. Деятельность государственной политики опирается на основные типы ресурсов: правовые, финансовые, организационные, информационные. Если судить с этой ресурсной точки зрения о современной российской национальной политике, то приходится признать, что пока она не способна обеспечить безопасность общества в этнокультурной сфере.

Л.Ю. Лукичева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССАХ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЛУКИЧЕВА Любовь Юрьевна — заведующая учебной лабораторией «Социолог» кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета. E-mail: lubonika@mail.ru

XX век для российской социологической науки был веком открытий и достижений. Несмотря на идеологические препятствия, шло формирование новой социокультурной реальности. Государство признавало, что система образования играет ключевую роль в процветании нации, в сохранении и накоплении культурного капитала, а также в развитии всего общества в целом.

Однако формирование такой науки как социология образования и разработка исследований в области социологии образования носили противоречивый характер. Это относится к развитию социологии образования и в Советском Союзе, и в постсоветской России. Становление и ускоренная динамика социологии образования начинаются лишь в 1960-е гг., когда группа научных работников — философов, экономистов, юристов, педагогов, — исходя из принципа "прозрачности" междисциплинарных границ, стала осуществлять широкомасштабные исследования проблем перехода от образования к труду, профессиональному самоопределению и карьере. Научный интерес отечественных ученых к этой области был обусловлен тем, что в советском обществе важным фактором социального расслоения стало образование. Его уровень и качество начали играть большую роль в социальной мобильности, в процессах формирования элитных групп [1].

Реформы последних 20 лет обратили внимание на систему образования и такие ее стороны как эффективность, качество, мобильность и др. Именно процессы трудовой миграции населения, которые отчасти порождены мобильностью образовательной системы, приобретают насущный характер. Основной массой, составляющей «миграционную волну», является молодежь. Молодежь в значительной части обладает тем уровнем интеллектуальной активности, и здоровья который выгодно отличает ее от других групп населения. В то же время перед любым обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет страна из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Особенно актуальны проблемы трудовой миграции молодежи для малых городов. Весьма остры в малых городах проблемы трудовых ресурсов, проявляющиеся в безработице (как явные, так и скрытые формы), проблемах рационального использования трудовых ресурсов (узость рынка труда, структурная незанятость, диспропорции в применении мужского и женского труда).

К главным причинам трудовой миграции молодежи можно отнести [4, с. 24]:

- высокий уровень безработицы;
- неудовлетворительная ситуация на рынке труда;
- изменение стиля жизни;

- влияние опыта трудовой миграции в семье;
- приобретение средств на начало самостоятельной жизни;
- познание мира;
- расширение профессиональных и интеллектуальных компетенций;
- социальные проблемы, прежде всего жилищные.

Трудовая деятельность должна соответствовать полученному образованию — это также одна из причин трудовой миграции молодежи [2, с. 72]. Молодежь в возрасте 15–29 лет имеют в основном высшее образование (28,8%) и средне специальное (24,1%). Миграция молодежи в пределах России имеет характер образованной, так как в основном это молодежь с высшим и средне специальным образованием [3, с. 175]. В малых городах существует проблема ограниченности направлений профессиональной деятельности, предлагаемой на рынке труда. Даже если молодежь признает возможность найти работу по специальности в малом городе, такая работа кажется ей слишком узконаправленной, статичной, не интегрированной со смежными дисциплинами, а значит исключая творческий элемент.

Основываясь на анализе миграционной ситуации малых городов, нами было проведено пилотажное социологическое исследование на тему: «Отношение молодежи г. Ульяновска к получению профессионального образования как фактора трудовой миграции». Основной целью исследования было изучение особенностей восприятия молодежи профессионального образования как фактора трудовой миграции. В качестве объекта выступала молодежь в возрасте от 16 до 23 лет.

Перед нами стояли такие задачи как:

- определение образа идеальной работы у современной молодежи;
- выявление миграционных намерений молодежи в трудовой сфере;
- анализ мотивации миграционных намерений в зависимости от получаемого образования (в том числе и у старшеклассников);
- определение особенностей влияния планируемого и получаемого профессионального образования на трудовую миграцию молодежи.

К основополагающим ценностям молодежь относит семью, здоровье и образование. Однако любимая работа в сознании современной молодежи не выглядит престижно и значимо. Все это находит отражение в образе будущей работы. К характерным чертам идеальной работы можно отнести:

- удовлетворение материальных благ
- повышение квалификации, пополнение знаний
- эмоциональное удовлетворение
- карьерный рост
- интересное общение

Старшеклассники в выборе будущей профессии больше основываются на представления, чем на реальное положение дел на рынке труда. В основе выбора помимо самостоятельного решения лежит социальная престижность профессии и перечень

вступительных экзаменов. Все это наводит на мысль о том, что получение профессионального образования является фактором трудовой миграции, с помощью которого возможно дальнейшее трудоустройство в жизни, однако упускается качественная, содержательная, ценностная сторона образования. Получение образования является неким пропуском в «более лучшую жизнь». Несмотря на востребованность профессионального образования у себя в городе, учащимся не хватает уверенности в стабильности жизни в регионе — в материальном, социально-культурном плане и в плане саморазвития. К возможным миграционным намерениям учащиеся отнесли:

- высокий уровень з/п — 68,6%;
- возможность хорошего трудоустройства — 62,9%;
- возможность саморазвития — 37,2%;
- развитость социальной сферы — 31,4%;
- высокий уровень удовлетворения социально-бытовых потребностей — 17,2%;
- жизненные обстоятельства — 8,6%;
- благоприятная окружающая среда — 5,8%;
- наличие родственников — 5,8%.

Мнения студентов имеют свои специфические особенности. Студенты нацелены в основном на напряженную и высокооплачиваемую работу (43,8%), но также согласны и на стабильность при небольшом заработке (37,5%). Однако рисковать современная молодежь не настроена — возможность больших денег и нестабильности в будущем молодое поколение не привлекает. Тенденции к явной миграции у студентов не выявлено. Однако соотношение тех, кто определился уезжать и тех, кто пока не определился примерно одинаковое 47,8% и 43,8% соответственно. В основном территория миграции — крупные мегаполисы: Москва, Екатеринбург, Казань, Самара. К основным причинам трудовой миграции студенты отнесли:

- возможность трудоустройства по специальности — 71,5%;
- возможность саморазвития и самореализации — 64,3%;
- перспектива роста по карьерной лестнице — 50%;
- благоприятные социальные условия для жизни — 42,9%;
- высокая з/п — 42,9%;
- социальные гарантии — 14,3%;
- экологическая обстановка — 14,3%.

Не смотря на то, что причиной выбора какого-либо города стала возможность трудоустройства по специальности у 71,5% респондентов, работать в данном городе по полученной специальности планируют и считают возможным 28,6%, не уверены — 42,9% респондентов и думают, что как получится 28,6% опрошенных студентов. Возможно, причина кроется в том, что на местном рынке труда современная молодежь не видит востребованной свою специальность, хотя считает, что на рынке труда как таковом их специальность востребована. Поэтому выбирает как место реализации себя как специалиста другой город. Однако современная студенческая молодежь скептически относится к данной возможности.

Таким образом, подтвердилось скептическое отношение молодежи к профессиональному образованию как фактору трудовой миграции:

- социальная обустроенность молодежи — это наиболее комплексный и определяющий фактор в жизни молодого поколения, именно от уровня социальной обустроенности молодежи зависит ее желание мигрировать;
- образование как самостоятельный фактор трудовой миграции молодежью не рассматривается;
- «образование–трудоустройство–миграция» — формула миграционных стремлений. Образование является всего лишь базой с помощью, которой человек выходит на рынок труда.

Литература:

- 1 Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. — 2-е изд., перераб. и дополн. С69 — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. — 722с. (электронный ресурс)
- 2 Маслова А. Н. Проблема трудоустройства как фактор миграции молодежи в крупные города // Молодежь большого города: Материалы студенческой научной конференции. Нижний Новгород (ННГУ), 17-19 ноября 2003 г. / Составители и научные редакторы З. Х. Саралиева, А. А. Иудин. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — 2003. С. 69 — 74.
- 3 Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России». — 2010. — 166 с.
- 4 Николаева П. П. Молодежь в социальном пространстве России / П. П. Николаева — М.: Инфра-М. — 2008. — 120 с.

Е.А. Назарова
СОЦИАЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ И
ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

НАЗАРОВА Елена Александровна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики РАНХиГС. E-mail: helena.nazarova@mail.ru

Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Наиболее наглядно указанные изменения заметны в масштабах региона, района, муниципалитета, т.е. непосредственно на территории пребывания мигрантов.

Самые свежие данные — вчера, 28 февраля в интервью каналу «Эхо Москвы» мэр столицы С. Собянин привел следующие данные: «200 тысяч квот на привлечение иностранной рабочей силы», «еще 200–300 тысяч находятся в Москве нелегально», «отозвано 14 тысяч квот в связи с нарушением законодательства и правил оформления», «около 16 тысяч незаконных мигрантов было выслано из Москвы в прошлом году». Однако в некоторых районах Москвы, по мнению Мэра процент мигрантов составляет 10–15% от числа жителей. И это становится очень хорошо заметно, даже визуально, на улицах столицы, в транспорте, в детских садах и школах.

В Москве и других активно принимающих регионах, адаптация и интеграция мигрантов, прежде всего — приехавши на постоянное место жительства) в последнее время относится к ключевым вопросам стабилизации общества. Чем выше уровень адаптированности мигрантов к новым условиям жизни, чем глубже они интегрированы в социальную и экономическую сферы принимающих территорий, тем значительнее их экономическая и интеллектуальная отдача и, наоборот, усиление конфликтного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации вынужденных мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность.

Социальная адаптация мигрантов оказывается во многом перспективным объектом исследования современной социологической науки. Будучи по своему содержанию и функциям интегративной общественной наукой, социология включает в предметную область анализа все сферы жизни общества на широкой междисциплинарной основе. Вместе с тем, полагая в центре внимания человека и его деятельность, социология в системном и органичном единстве рассматривает объективные и субъективные стороны человеческой деятельности. Именно такой подход способствует более полному и глубокому раскрытию закономерностей и механизмов миграционных процессов в обществе.

Актуальность социологического изучения факторов социальной адаптации и интеграции в миграционных потоках обусловлена практической ценностью полученных результатов для совершенствования государственной миграционной и национальной политики, поддержания стабильной социальной и экономической обстановки в стране и ее регионах.

Следует отметить, что необходимо разграничивать понятия «социальная адаптация» и «интеграция», т.к. они относятся к разным категориальным понятиям. Адаптация предполагает принятие основных ценностей, норм, традиций и моделей поведения, распространенных в социуме территории вселения мигранта. Она, как правило, бывает двунаправленная — «мигрант ↔ принимающий социум». Интеграция — это вовлеченность мигранта в социальную систему принимающей территории: трудоустройство, обеспеченность жильем, возможность устанавливать устойчивые коммуникативные связи, получать медицинские услуги, определять детей в детский сад, обучать их в школе, возможность принимать участие в системе самоуправления и т.д.

Основные показатели успешности адаптации мигрантов — это удовлетворительное психическое состояние, психологический комфорт и физическое здоровье, адекватность в общении и межкультурных отношениях, сохранение целостности личности. Показатели успешной интеграции — установление позитивных связей с новой средой, решение ежедневных житейских проблем (образовательные учреждения, семья, быт, работа), участие в социальной и культурной жизни принимающего общества.

Однако не всегда адаптация и интеграция осознанно входят в планы мигрантов. Нередки случаи, когда, приезжая на непродолжительный период, мигрант решает лишь наиболее насущные вопросы заработка денег, не вникая в особенности окружающей социальной среды. Усилия, направленные на попытки адаптировать таких мигрантов, обучать их истории, культуре и законодательству принимающей территории чаще всего бывают тщетными. В этом плане, на наш взгляд, неконструктивными бывают также меры, ограничивающие доступ к некоторым профессиям на рынке труда временным мигрантам. Это лишь стимулирует их принимать российское гражданство, не имея реальной мотивации адаптации и интеграции.

Эмпирически нами были выявлены некоторые модели интеграции мигрантов в московском регионе. Это интеграция через:

- профессиональную деятельность,
- систему образования,
- родственные связи,
- этнические диаспоры,
- конфессиональные объединения.

В практике эти модели могут быть реализованы последовательно, либо одновременно, но в неравной степени интенсивности.

Каждой из этих моделей соответствует определенная коммуникативная система, состоящая из набора коммуникативных связей, условий и средств их реализации.

В модели профессиональной самореализации предметом коммуникации является профессиональная деятельность, соответственно основной спектр взаимодействий проходит в соответствующей среде. Значимым здесь становится фактор статуса или востребованности профессии мигранта. Дворник, менеджер по ландшафту, грузчик, водитель, талантливый хирург, топ-менеджер и т.д. — разница ощутима.

В модели образования предметом коммуникации являются не только знания, но и многие другие аспекты образовательного и воспитательного взаимодействия. Возможны различные варианты — мигрант как объект системы образования — студенты, аспиранты,

специалисты, повышающие квалификацию. Дети мигрантов в системе дошкольного, школьного и высшего образования. Мигрант как «субъект» образования — воспитатель, учитель, педагог вуза. В данной модели актуализируется такой фактор как степень владения языком принимающей территории.

Следующие три модели социальной адаптации в большей степени располагают к увеличению коммуникативной изоляции и сегрегации мигрантов, т.к. они способствуют формированию параллельной социальной системы внутридиаспоральной и внутриконфессиональной интеграции мигрантов, формированию системы этномонополизации профессиональной деятельности, деформации социальной и этнокультурной структуры принимающих территорий.

Наши дальнейшие исследования будут направлены на определение основных факторов этномонополизации профессиональной деятельности и роли в этом процессе миграции.

Н.И. Полянская
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЯ
МИГРАНТОВ

ПОЛЯНСКАЯ Надежда Ивановна – магистрантка РАНХиГС. E-mail: nadiya27pol@mail.ru

Важными элементами государственной миграционной политики РФ на современном этапе являются создание оптимальных условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности¹. Являясь членом мирового сообщества, Россия стремится в полном объеме выполнить взятые на себя обязательства по обеспечению основополагающего права человека – права на здоровье, а также, обеспечение комфортного пребывания и проживания иностранных граждан на своей территории (включая и право на медицинскую помощь)².

Актуальность этой проблемы, подтверждена в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная 13.06.2012 Президентом РФ³ и призванная на порядок повысить качество миграционной политики государства⁴. Тем не менее, в нормативной правовой базе в сфере миграции тоже имеется ряд проблем, затрудняющих мигрантам доступ к медицинскому обслуживанию и требующих решений на уровне межведомственного взаимодействия и федерального законодательства.

Необходимость совершенствования законодательства в сфере оказания медицинской помощи мигрантам осознается специалистами и связана также с тем, что миграция (особенно незаконная) несет серьезную угрозу санитарно-эпидемиологической безопасности страны⁵. Кроме этого растут незапланированные расходы бюджетов субъектов Федерации, связанные с оказанием иностранным гражданам и членам их семей медицинской помощи, в том числе скорой и неотложной медицинской помощи.

Например, незапланированные расходы бюджета только города Москвы, связанные с привлечением иностранной рабочей силы, последние годы составляют порядка 4,5 млрд руб. В Нижегородской области, указанные расходы бюджета в 2011 г. достигали – 5,7 млн руб., что в 2 раза больше чем в предыдущем году.

По мнению экспертов ежегодно к услугам «скорой помощи» прибегают до 1,5 млн трудовых мигрантов, т.е. на их долю приходится как минимум 3% от общего числа вызовов «03». Стоимость таких выездов составляет, по разным оценкам, от 200 до 400 млн долл.⁶. После выхода из указанных состояний иностранным гражданам может быть предложена плановая медицинская помощь, которая оказывается на платной основе⁷.

¹ См.: Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г.: Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.// Российская миграция. 2012. № 7. С. 15.

² Подробнее см.: Евтухов В. Медицинский паспорт... для мигрантов// Российская Федерация сегодня. 2011. № 4. С. 12–13.

³ Подробнее см.: Российская миграция. 2012. №7. С. 13–20.

⁴ См.: Путин В.В. Россия: Национальный вопрос// Независимая газета. 2012. 23 января.

⁵ Цит. по: Законодательное регулирование вопросов организации медицинской помощи мигрантам: Рекомендации «круглого стола» в Госдуме РФ 27.11.12 г. – М., 2012. С. 1.

⁶ См.: Щеглов К. Где лечиться гастарбайтеру?// Медицинская газета. 2012. 14 сентября.

⁷ См. подробнее: Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 01.09.2005 № 546.

Как отмечает посол Кыргызской Республики Б. Джунусов в своем выступлении на круглом столе в Общественной Палате РФ в сентябре 2012 г., – «в плановом порядке получить врачебную консультацию и помощь становится все труднее. Мигранты перестают обращаться в больницы, они надеются, что по возвращении домой смогут посетить доктора. Но опыт показывает, что промедление чревато серьезным уроном здоровью»⁸.

Проведением медицинского освидетельствования иностранных граждан занимаются 1981 медицинская организация в 83-х субъектах Федерации, которыми за период с 2007 по сентябрь 2012 г. медицинское освидетельствование прошли 5445533 человек, выявлено 7973 ВИЧ-инфицированных, 15805 больных туберкулезом, 19273 человек с инфекциями передающимися половым путем.

Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека предлагается обязать мигрантов предоставлять при приобретении патента на работу документы о прохождении медицинского освидетельствования на наличие заболеваний. Согласно данным Роспотребнадзора, из 2,6 млн человек прибывших в РФ в 2011 г., обследованы 1,07 млн человек, что подтверждает тенденцию приема на работу мигрантов без документов о прохождении медицинского освидетельствования.

Социологическое исследование выявило четко выраженное стремление значительной массы трудовых мигрантов осуществлять незаконную (неофициальную) трудовую деятельность: без разрешения на работу и без приобретения полиса медицинского страхования, без регистрации по месту временного пребывания либо без официального заключения трудового договора⁹.

Исходя из вышеизложенного становится очевидной необходимость разработки и осуществления комплекса практических мер, которые могли бы включать следующее: создание единой межведомственной информационной базы о трудовых мигрантах и состоянии их здоровья на основе специализированных центров медицинского освидетельствования выезжающих в Россию за рубежом, в основных странах происхождения мигрантов (по российским стандартам здравоохранения), в том числе на базе центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию с целью заблаговременного выявления социально-значимых заболеваний, представляющих риск для здоровья населения принимающей стороны; систематизировать практику представления полиса медицинского страхования, действительного на территории Российской Федерации; усилить контроль над государственными и негосударственными учреждениями здравоохранения в части выдачи медицинских документов, свидетельствующих об отсутствии общественно опасных заболеваний у иностранных граждан, имеющих целью осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации; разработать систему добровольного медицинского страхования на период пребывания трудового мигранта на территорию Российской Федерации с целью оказания качественной медицинской помощи; усилить государственный контроль за соблюдением работодателями прав иностранных работников и надлежащим оформлением трудовых отношений с ними, рассмотреть вопрос совершенствования федерального

⁸ Цит.по: Медицинская газета. 2012. 14 сентября.

⁹ Подробнее см.: Вопросы предоставления медицинской помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства в Российской Федерации: материалы рабочей группы по медицинским и социальным проблемам трудящихся мигрантов/ Бюро международной организации по миграции (МОМ) в Москве. – М., 2011.

законодательства в части усиления административной ответственности работодателя; при разработке социально-экономических показателей, характеризующих степень достижения приемлемого уровня социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов на новом месте жительства, обязательно учитывать уровень доступности и качества медицинских услуг для этой категории населения и членов их семей.

Таким образом, полагаем, что намеченные рубежи в сфере сохранения здоровья трудовых мигрантов в РФ в основном отвечают международным требованиям. В частности, несмотря на политические и социальные аспекты миграции, большинство стран признало, что мигранты — это экономическая необходимость. Но мигранты — прежде всего люди, и к ним нельзя относиться как к заменимому товару, представляющему лишь экономическую ценность.

А.К. Садвокасова
ТЕРМИНОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И
МАССОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

САДВОКАСОВА Айгуль Какимбековна — доктор социологических наук, руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан. E-mail: aigul-kaz@yandex.ru

Коммуникации в межэтнической сфере и общественное поле дискурса вокруг данного вопроса требует обратить внимание на некоторые особенности сложившейся ситуации. В обществе существует различное толкование и восприятие терминов и категорий, которые касаются межэтнической сферы, нациестроительства, что приводит к формированию различных дискурсивных полей. Это в свою очередь порождает разделение общественного мнения и не всегда споры и обсуждения бывают рациональны, поскольку каждая сторона вкладывает собственное понимание того или иного критерия.

В плане формирования единой нации в новых независимых государствах данная ситуация способствует дезинтеграции и неспособности общества консолидироваться в цельный организм. Как правило, объединительным фактором в различные исторические периоды становится национальная идея.

Для независимого Казахстана политика формирования единой нации заложена в преамбуле Конституции Республики Казахстан *«Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимаем настоящую Конституцию»...* » [1]. Данная конструкция позволила выйти за рамки этнического принципа формирования государства и определить концепцию нации как политического сообщества одного государства. Концепция построена на понимании нации как субъекта государственности. В этом смысле она является определяющей и отвечает стандартам построения демократического общества. Безусловно, требовалась определенная работа экспертов и журналистов по осмыслению и трактовке понятия «нация», поскольку советская традиция четко определяла ее как принадлежность к этносу, национальности. В этом смысле трактовка нации в современном ее понимании позволила поставить вопросы государства и гражданственности на более конкретное понимание с точки зрения современной мировой практики и исключить политизацию этнического вопроса. При этом важно сделать акцент на том, что этничность не нивелируется, более того, ее сохранение и развитие гарантировано государством и имеет все условия для развития и воспроизводства.

Конституционные гарантии первенства прав гражданина Республики Казахстан являются базовой основой проведения единой государственной политики по обеспечению общественного согласия. В Основном Законе страны — **преамбула Конституции** четко обозначила общность народа Казахстана, ее историческую судьбу и обще созидательное будущее. **Одиннадцать статей** Конституции определили стандарты межэтнических

отношений и закрепили главенствующую роль прав и свобод человека и гражданина, несмотря на какие-либо различия в происхождении, этнических или культурных особенностях.

Важный стратегический документ, который был обсужден и одобрен в 2010 г. в Казахстане — Доктрина национального единства. Три базовых принципа, которые заложены в ее основу «Одна страна — одна судьба», «Разное происхождение — равные возможности», «Развитие национального духа» отражают категориальный аппарат процессов нациестроительства и позволяют каждому индивиду найти свои позиции. Практически данный документ позволил категоризировать и ввести в общественный дискурс понятия и трактовки с учетом специфики казахстанского общества.

Принцип **«Одна страна — одна судьба»** подкрепляется положением «Единство в многообразии». Такие категории как «диаспоры», «национальные меньшинства» в данном контексте трактуются как разделительные дефиниции, которые разделяют общество. В парадигме единой нации и страны как общего дома, в котором сохраняется многообразие — есть залог обеспечения единства нации.

Многообразие — это есть этническая, культурная, языковая, конфессиональная идентичность граждан страны. Вопросы идентичности были всегда не простыми для народов, живущих на стыке цивилизаций, эпох и особенно в период перемен. Обретение независимости — это не только факт признания собственной суверенности. За этим стоит множество факторов и процессов, которые в совокупности несут общий исторический поток созидания и преемственности. В этом смысле

Принцип **«Разное происхождение — равные возможности»** поддерживает и сохраняет право на самореализацию во всех сферах жизни каждого индивида, тем самым утверждая меритократию и систему заслуг каждого. Равенство возможностей в получении образования, доступа к здравоохранению, достижениям в науке, спорте, творчестве независимо от происхождения, здесь имеется в виду не только этническое, но и любое другое социальное. Данный подход снимает вопросы субординации наций, национальных меньшинств, диаспор.

Третий принцип **«Развитие национального духа»** был наиболее обсуждаемым и вызвавшим широкий обмен мнениями. Здесь важно отметить категориальный аппарат данного положения. Он исходит из понятий толерантности, ценностей общественного благополучия, согласия, уважения, соучастия и совместной деятельности [2].

Основы духовности человеческого общества — культура, традиции, религия, этническая самобытность есть и являются опорами общества и государства. В этом ключе важность приоритетов государственной этнополитики, направленной на сохранение культурного, этнического, языкового, религиозного многообразия народа Казахстана **определяется ее перспективной линией** развития.

Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия стала основой формирования государственно-национальной идентичности. Структура и содержание данной модели отражают весь комплекс политических, социальных, культурных и этнических особенностей Казахстана. Они отражены в **принципах государственной этнополитики**¹:

¹ Справочно: в Казахстане проживают представители более 130 этносов, действуют 880 этнокультурных объединений, издаются 35 периодических изданий этносов Казахстана, в 108 школах языки 22 этносов

- 1 Единство народа Казахстана.
- 2 Консолидирующая роль казахов.
- 3 Толерантность и ответственность народа Казахстана.
- 4 Создание всех условий для развития культур и языков этносов Казахстана.
- 5 Этническое, конфессиональное, культурное и языковое многообразие.

Это и позволило Казахстану выстроить **единую** как на государственном, так и общественном уровне **политику формирования гражданской общности, национально-государственной идентичности.**

В структуре гражданской нации **этничность** выступает как фактор сохранения внутренней устойчивости и ценностной матрицей, позволяющей ориентироваться в условиях глобализации и международной интеграции. Этническая идентичность является образом жизни и способом собственного самоопределения. Конституционные гарантии сохранения и развития языков, культуры и традиций казахстанских этносов способствовали укреплению внутренних связей между поколениями, сохранению самобытности и уверенности в своем будущем.

Межэтническая толерантность стала общественной ценностью и из **фактора риска стала фактором стабильности и развития** в условиях кризисов, нарастания нетерпимости и радикализации идеологии влияния на массовое сознание, возрастания экстремистских и радикальных религиозных течений. В данном случае опыт и социальная практика жизнедеятельности в полиэтничном обществе позволила выработать внутренний иммунитет по отношению к политической этнической риторике и невосприятию радикальной религиозной агитации.

Категория **общественного согласия** определяет межэтническую стабильность, социально-экономическое благополучие и интеграцию всех социальных слоев и групп вокруг общих идей, целей и задач. Практическое ее отражение — это равенство возможностей независимо от социальной, этнической или иной принадлежности, чувство безопасности, защищенности граждан (обеспечивается Конституцией). По данным социологических исследований, проведенных в 2012 г. (репрезентативная общенациональная выборка 2500 респондентов) межэтническую ситуацию в стране респонденты оценивают как **спокойную и благополучную — 85,3%.**

В разработке инструментария конкретных социологических исследований необходимо учитывать восприятие теми или иными социальными группами определений и понятий. К примеру, в казахстанской социальной практике не воспринимается понятие «национальные меньшинства», «диаспора» по отношению к этническим группам Казахстана. Публикации в средствах массовой информации, которые используют такую терминологию, вызывают раздражение и неприятие. Соответственно необходима совместная работа журналистов и экспертов по формированию коммуникации в данной сфере.

Литература:

- 1 Конституция Республики Казахстан // www.akorda.kz
- 2 Доктрина национального единства // www.assambly.kz

преподают в качестве самостоятельного предмета. В 88 школах обучение ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках.

С.С. Ушакова
СТОЛИЧНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ
ДЕТЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

УШАКОВА Светлана Сергеевна – Почетный работник образования РФ, соискатель РАНХиГС. E-mail: yshakova.s.s@gmail.com

В условиях современной России особенно остро данная проблематика проявляется в регионах и крупных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Ростов-на Дону и др. Это объясняется тем, что, во-первых, все они и, в частности, Москва¹, являются современными мегаполисами, обладающими наибольшей степенью привлекательности для отечественных и зарубежных мигрантов. Во-вторых, особенности мегаполиса, с одной стороны, в значительной мере, облегчают процесс социальной адаптации в силу повышенной вариативности возможностей личностной и профессиональной самореализации, а также этнокультурного разнообразия, с другой стороны, мегаполис характеризуется достаточно жесткими условиями жизни — высокой стоимостью жизни, конкуренцией на рынке труда, информационной перегрузкой.

В этой связи актуальными практическими задачами с точки зрения обеспечения интересов как мигрантов, особенно из числа представителей других народов и культур, так и коренного населения, становятся выявление системных факторов, обуславливающих динамику и качественный уровень социокультурной адаптации таких мигрантов в столичном социуме, а также разработка и модернизация программ, направленных на оптимизацию адаптационных процессов. В стратегическом плане это касается, прежде всего, молодежи и подростков, в особенности, школьников, переживающих этап наиболее активного личностного становления.

В этих условиях школьное образование оказалось перед лицом качественно новых сложных задач, главная из которых заключается в том, чтобы всемерно способствовать всей своей учебной и воспитательной деятельностью социокультурной адаптации и интеграции молодого поколения москвичей из числа зарубежных и отечественных иноязычных мигрантов в столичный социум, обеспечить максимальную эффективность и безболезненность процессов его социализации.

В настоящее время в системе образования г. Москвы накоплен значительный опыт работы в этом направлении, сформулированы государственные приоритеты, разрабатываются и реализуются среднесрочные программы и международные проекты². В школах города насчитывается около 30 тыс. учеников, не имеющих гражданства РФ, при этом более половины из них не владеют в достаточном объеме русским языком, что нередко становится конфликтогенным фактором³.

Таких учеников планируется обучать русскому языку дополнительно, для чего начиная с 2011/2012 учебного года на базе 152 столичных школ открыты

¹ См. напр.: Манохина О.А., Нестерчук О.А. Политико-психологический аспект оценки российской столицы молодежью в современных условиях// Человеческий капитал. 2012. № 9. С. 122–126.

² Напр. см.: Назарова Е.А., Ушакова С.С. Развитие человеческого потенциала и социальной интеграции в системе школьного образования: проблемы и перспективы// Человеческий капитал. 2012. №9. С. 104–107.

³ Напр. см.: Пуля И. Разноцветный урок: Почему родители не хотят отдавать детей в «смешанные» классы? // Российская газета. 2012. 24 октября.

специализированные группы по его изучению как иностранного языка. Дополнительные занятия в этих школах дважды в неделю посещают около 3 тыс. детей мигрантов. В 12 общеобразовательных учреждениях действуют «Школы русского языка», где в режиме интенсива по языку и социокультурной адаптации также проводятся занятия с детьми мигрантов. По мнению специалистов, это помогает преодолевать культурный и языковой барьер, который мешает обучению.⁴

Следует отметить, что в современном обществе кардинальному пересмотру подвергается сама образовательная и воспитательная парадигма школы. В новой редакции Закона «Об образовании» заложена общая тенденция к гуманизации образования, ориентации всех воспитательных воздействий не только на формирование личности ребенка и его позитивную этническую самоидентичность, но и на его поддержание и развитие заставляют по-новому подойти к организации всей воспитательной деятельности.

Узловой структурой современной системы образования выступает школа, представляющая собой сложно организованный организм, задача которого далеко не исчерпывается функцией передачи знаний. Ее полифункциональность особенно проявляется в формировании определенного социокультурного пространства, в котором происходит становление личности, развитие ее потенциальных возможностей, формирование ценностных ориентаций. Все это существенно повышает роль школы, всей системы образования, требует от нее скоординированной на всех уровнях комплексной деятельности по стимулированию социокультурной адаптации школьников из семей мигрантов в иноязычной среде.

Наряду с усилиями системы школьного образования, в формировании социокультурного пространства, в котором происходит адаптация ребенка, все большую роль призвана играть семья, однако в силу социально-экономических трудностей большинство родителей из числа трудовых мигрантов ощущают себя десоциализированными маргиналами. К сожалению, значение усилий, предпринимаемых соответствующими диаспорами на уровнях различных культурных, просветительских и прочих обществ, предельно минимизировано ввиду разового характера проводимых мероприятий и направленности их в основном на людей зрелого и пожилого возраста.

Все это вместе взятое актуализирует постановку и разрешение организационно-управленческих задач, направленных на создание условий для социокультурной адаптации и интеграции этнических мигрантов, их детей в принимающее сообщество в пространстве образования.

⁴ См.: Мордасов П. Золотой образовательный стандарт: Качество обучения в столице планируется сделать лучшим в стране // Независимая газета. 2011. 3 сентября; Верховская М, Корчмарек Н. Школы готовы тратить на детей мигрантов // Известия. 2011. 30 сентября; Волков М. Языковой барьер преодолим // Москва наций. 2012. № 10. С. 12–13; Язык гастарбайтера: трудовых мигрантов обучат русскому языку через их детей // Expert Online. 2012. 18 мая.

В.С. Цырюльников

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОМИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ПОДМОСКОВЬЕ

ЦЫРЮЛЬНИКОВ Виктор Степанович — советник главы администрации г. Каширы (Московская область), E-mail: Vik-kashira@rambler.ru

Для начала, краткая справка — согласно Конституции, принятой в 1993, Московская область является субъектом Российской Федерации, который входит в состав Центрального федерального округа. Территория Московской области — 47 тыс. кв. км. Она граничит: на северо-западе и севере с Тверской и Ярославской областями, на северо-востоке и на востоке — с Владимирской, на юго-востоке — с Рязанской, на юге — с Тульской, на юго-западе — с Калужской, на западе — со Смоленской областями, в центре — с городом федерального значения Москвой.

В области насчитывается 378 муниципальных образований, в т. ч.: муниципальных районов — 36, городских округов — 36, городских поселений — 114, сельских поселений — 192. Административный центр — город Москва.

Общая численность населения Московской области состоящего на учете составляет 7 343 098 человек. Средняя плотность населения — 156,03 чел/км² (2010) — самая большая среди российских регионов (без учета Москва и Санкт-Петербург), что обусловлено высокой долей городского населения. Плотность населения региона уступает лишь двум столицам России — Москве и Санкт-Петербургу.

Одной из особенностей Московской области является ее расположение на основных маршрутах транзитной миграции.

К Московскому региону можно применить, несколько изменив, известное высказывание — «Все дороги идут в Москву». На территории области расположен крупнейший в России и бывшем СССР Московский железнодорожный узел (от Москвы расходятся 11 радиальных направлений). В Московской области действуют три крупных пассажирских аэропорта, имеющих статус международных — Шереметьево, Домодедово и Внуково. Крупнейшие речные порты — Серпухов и Коломна. Регулярное судоходство — по рекам Волге, Оке и Москве, а также по каналу имени Москвы. Значительна и плотность автомобильных дорог на территории области. Протяженность дорог с твердым покрытием — около 14 тыс. км. 10 радиальных направлений связаны Московской кольцевой автомобильной дорогой, а также двумя кольцами (A 107 и A 108).

Проводимый УФМС России по Московской области анализ въезда-выезда иностранных граждан через аэропорты Московской воздушной зоны в текущем году свидетельствует об увеличении на 9,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количества въезжающих

Несмотря на тот факт, что существенное количество иностранных граждан въезжают на территорию Российской Федерации через Московскую область, на миграционный учет в дальнейшем они встают в других регионах.

За 2012 г. поставлено на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства 1 084 917, в том числе поставлено на учет по месту пребывания 1 053 548 человек, из них по странам происхождения: Узбекистан — 314 145; Таджикистан — 205 643; Молдова — 161 573; Украина — 136 955; Армения — 57 992; Киргизия — 44 399;

Азербайджан – 28 014; Беларусь – 28 372; Казахстан – 14 210; Германия – 6759; Турция – 6350.

Миграционные процессы Московской области являются отображением экономического состояния региона – она традиционно является привлекательным для внутренней и внешней миграции по своему географическому положению и экономическому развитию и занимает 2-е место по Центральному федеральному округу после Москвы по количеству поставленных на миграционный учет иностранных граждан.

В Московской области на 2012 год установлена квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу в количестве 149 200 шт. По сравнению с квотой 2011 г. (122 503), квота текущего года увеличена на 21,8%. Однако потребность в привлечении иностранных работников, как правило, в 3-4 раза (согласно сведениям Комитета по труду и занятости) превышает размеры установленной Правительством РФ квоты на осуществление трудовой деятельности иностранным гражданином в организациях и предприятиях.

Выработка решений по оптимизации миграционных процессов возложена на областную Межведомственную комиссию по вопросам привлечения и использования иностранных работников, образованную в 2003 г., в состав которой входят руководители всех заинтересованных министерств и ведомств Московской области.

Динамика последних 5 лет свидетельствует о тенденции к постепенному увеличению въезда на территорию Московской области трудовых мигрантов.

Это обусловлено в первую очередь наличием аэропортов Московской воздушной зоны, близостью г. Москвы и развитой железнодорожной сетью, а также желанием мигрантов трудоустроиться в Московском регионе, где высокий уровень заработной платы и присутствуют рабочие места.

За 2012 г. поставлено на учет с целью осуществления трудовой деятельности 215303 иностранных гражданина и лица без гражданства – это увеличение по сравнению с предыдущим периодом на 29,03%. При этом, въезд трудовых мигрантов носит сезонный характер. Пик, как правило, приходится на период с апреля по сентябрь.

Наибольшее количество трудовых мигрантов пребывало в следующих муниципальных образованиях Московской области: Мытищи, Раменское, Химки, Щелково, Люберцы, Одинцово, Королев, Домодедово, Красногорск и Дмитров, что обусловлено наличием на территории указанных муниципальных образований крупных объектов производства, торговли, а также активным строительством многоэтажного жилья и коттеджных застроек. Наименьшее количество трудовых мигрантов пребывало в сельскохозяйственных муниципальных образованиях Московской области: Лотошино, Серебряные Пруды, Шаховская, Зарайск, Озера.

Влияние мигрантов на криминогенную обстановку на территории Московской области остается неоднозначным. За 2012 г. количество преступлений совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства снизилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 7,9%. Так, в указанный период иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 9 839 преступления (2011г. – 10 681), из них 4815 преступлений, или 48,3%, приходится на использование иностранными гражданами поддельных документов. Лидируют граждане Узбекистана – 3 769, Таджикистана – 2603, Украины – 905, Республики Молдовы – 896. Далее следуют представители Кыргызской Республики – 480, Республики Армении – 316, Азербайджанской Республики – 229, Республики Беларусь – 338, Грузии – 112,

Туркменистана — 37, Республики Казахстан — 35. Наиболее законопослушны граждане Латвии — 3, Литвы — 1. Лицами без гражданства в указанный период совершено 69 преступлений.

В то же время, количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 4,6% и составило 1 475 преступлений. Если сопоставить количество преступлений, совершены в отношении выходцев из «Востока» и «Кавказа», то выявляется еще одна группа жертв преступлений «Европейцы. Так, к первой группе «с Востока» можно отнести граждан Республики Узбекистан — 366 преступлений, Республики Таджикистан — 269, Республики Казахстан — 144, Кыргызской Республики — 52, Туркменистана — 8. Вторая группа, самая малочисленная в данной категории, «Кавказцы» относятся граждане Азербайджанской Республики — 81, Республики Армении — 55, Грузии — 12. К «Европейцам» можно отнести граждан Украины — 208, Республики Молдовы — 143, Республики Беларусь — 112, Литвы — 3, Латвии — 3, в отношении граждан Эстонии — 2.

В.В. Чурин

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 г.

ЧУРИН Владимир Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры Социологии управления РАНХиГС E-mail: churinvv@yandex.ru

Многонациональный народ российский до сих пор не обрел подлинного единства, на формирование которого и направлена, принятая Указом Президента РФ № 1666 от 19.12.2012 стратегия.

К числу достоинств нового документа разработчики относят трактовку нации в гражданском смысле этого понятия [6, п. 8]. Остановимся более подробно на понятии нации.

Категория “нация” происходит от латинского слова “natio” — “племя”, “народ”, в то же время “народ” на греческом — “ethnos”, т.е. “этнос”. Этимология не принесла нам никаких результатов, по сути, понятие “народ” обозначают два разных термина. Тем не менее современная наука разводит эти категории. Отечественный этнограф Ю.В. Бромлей под этносом понимает возникшую естественным историческим путем общность людей, которая не зависит от воли входящих в нее индивидов и способна к устойчивому многопоколенному существованию за счет самовоспроизводства [2, с. 11]. К характеристикам такой общности автор относит общность территории, языка, специфические элементы материальной и духовной культуры, а также этническое самосознание, внешним выражением которого является самоназвание — этноним. Что касается определения нации, то в начале XX века И.В. Сталин так сформулировал определение нации: “нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию” [4, с. 296].

Приведены два, практически, одинаковые определения этноса и нации. Связано это с тем, что во время написания Сталиным своей статьи понятие этнос, если и использовалось, то как равное понятию нации. Однако споры о природе этноса-нации не прекращались. Наиболее известны 3 подхода: примордиализм, т.е. рассмотрение этноса-нации как предзаданного явления; конструктивизм, который рассматривает этнос-нацию как продукт сознательной деятельности людей; и инструментализм, рассматривающий этнос-нацию как инструмент, при помощи которого элиты добиваются экономических или политических целей.

Стоит отметить, что инструментализм опирается на детерминирующую роль социальных интересов в формировании этноса-нации. Для инструментализма характерен упор на инструментально-рациональное использование этноса-нации как средства борьбы за политические и экономические ресурсы национальных элит и групп.

Примордиализм же рассматривает этнос-нацию как объективную данность, своего рода изначальную (примордиальную) характеристику человечества. Главный тезис примордиализма можно сформулировать так: этнос-нация — это фундаментальная характеристика человека как социального, даже биологического существа, разделяемая членами группы культурная общность на базе территории, языка, экономики, расового типа, религии, мировоззрения и даже психического склада.

Наиболее популярным сегодня направлением является конструктивизм. Сторонники теории конструктивизма рассматривают этнос-нацию как искусственное образование, результат целенаправленной деятельности самих людей. Предполагается, что этнос-нация является результатом созидания, а не изначальной данностью. Отличия же между представителями этно-наций являются здесь величиной произвольной, которая изменяется при конкретных сравнениях.

Бесспорно, возникновение наций связано с развитием производственных отношений, преодолением этнической замкнутости, созданием и распространением общего литературного языка, общих элементов культуры и т.д. “Нация — это не продукт моноэтнической эволюции и тем более не кровно-биологическая субстанция в форме этноса, а результат общего исторического опыта и целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению представлений о народе как о нации, ее ценностях, символах, устремлениях” [5].

Дискуссии между представителями примордиализма и конструктивизма привели к тому, что термины этнос и нация разделили. Усилиями В.А. Тишкова под нацией в России сегодня принято понимать совокупность граждан конкретной страны независимо от общности языка, культуры, истории или психического склада, даже переживание судьбы Отечества выпадает из такого определения. Таким образом, “россияне” превращаются в единую нацию, а народы, населяющие нашу страну, именуется этносами, будь то русский, татарский, украинский и пр. В определении этноса уже становятся важными культурно-языковые и прочие атрибуты общности людей.

Важным качеством работы В.А. Тишкова является содействие интеграции народов России, но сам подход, который упраздняет историческое прошлое, переживание судьбы Отечества и судьбы своих соотечественников как собственной, представляется неприемлемым. Непонятны также и мотивы, которые побудят существующие этносы отказаться от своей этнической идентичности в пользу общегражданской, проводимой “сверху” идентичности. В случае с понятием гражданской нации на первый план выходит такой признак, как самосознание, признание интересов государства своими национальными интересами. “Российская нация” может стать успешным конструктом только в том случае, когда будут четко сформулированы государственные приоритеты.

В.С. Малахов отмечает, что “нация... далеко не сводится к формальной основе суверенитета, но представляет собой содержательную совокупность лиц, соединенных определенными — историческими, языковыми, религиозными и культурными — связями” [3, с. 43]. Действительно, одного формального признака явно недостаточно, чтобы сплотить до того разрозненные, а то и враждующие этносы. Для формирования нации необходима готовность ее элементов разделить судьбу друг друга.

Российский этнограф Э.А. Баграмов справедливо утверждает: “Не думаю, что обе концепции нации — гражданская и этническая обязательно противостоят друг другу. Гражданская концепция, конечно же, предполагает наличие определенного субстрата нации, без которого она теряет устойчивость и превращается в конгломерат лиц, не связанных внутренним единством и общим сознанием” [1, с. 16].

Целесообразным является понимать **этнос** как исторически сложившуюся и устойчивую общность людей, обладающую общностью исторического происхождения, языка, культуры и психического склада (менталитета). В свою очередь **нация** определялась бы как, этнос либо группа этносов получивших в процессе своего развития государствообразующий статус. При этом важно подчеркнуть, во-первых, что нации

присуща общность экономической жизни; а во-вторых, что мы говорим о нации как о людях, которые не просто признают существование государства, гражданами которого они являются; важным признаком нации является переживание судьбы Отечества и соотечественников как собственной, признание ответственности за его прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, нация является этапом развития этноса из первоначальной историко-социальной близости к духовному и культурному единству (разумеется, также и к территориально-государственному). Подобная трактовка нации позволила бы более точно сформулировать основные цели и задачи Стратегии государственной национальной политики РФ, формирование российской нации из абстрактной ничем не подкрепленной задачи могло бы обрести новым смыслом, позволяющим государству упрочить мир и согласие среди граждан.

Литература:

- 1 Баграмов Э.А. Факторы межнационального понимания и стабильности // Миграционные процессы и межэтнические отношения в Москве: проблемы образования и воспитания. М.: МГПУ, 2007.
- 2 Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. — М., 1987.
- 3 Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. — 1998. — №2.
- 4 Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. т.2, М., 1954.
- 5 Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность. — «Известия», 19.06.2007 г.
- 6 Указ Президента РФ О стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. — Режим доступа // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1:1644521> // 19/12/2012.